

На правах рукописи

Финько Ольга Сергеевна

**ЛЕКСИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА КУБАНИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ
СТАНИЦЫ ЧЕРНОЕРКОВСКОЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Курск – 2011

Работа выполнена на кафедре германской филологии и методики преподавания иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Хроленко Александр Тимофеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Изотов Владимир Петрович

кандидат филологических наук, доцент
Ларина Людмила Ивановна

Ведущая организация: Московский государственный областной университет

Защита состоится 14 декабря 2011 г. в __ часов на заседании объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Курского государственного университета по адресу: 305000, Курск, ул. Радищева, 33.

Автореферат разослан «__» ноября 2011 г.

Ученый секретарь объединенного диссертационного совета
доктор филологических наук

И.С. Климас

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена анализу лексики свадебного обряда станицы Черноерковской, одного из поселений западной части Кубанского региона.

Актуальность исследования. Свадебный обряд Кубани является ярким образцом проявления культуры вторичного (позднего) образования и хранит в себе рудименты архаических явлений, восходящие к славянским древностям, элементы исходных материнских культур и специфические черты, присущие только локальной традиции. Изучение кубанского свадебного обряда представляется актуальной задачей в рамках одной из тенденций современной науки, направленной на идентификацию вторичных традиций и выявление сложных процессов, протекающих при контактах этнических культур и говором переселенцев на колонизированных территориях. Кроме того, кубанская свадьба с диалектной и лингвокультурологической точек зрения до сих пор остается малоизученной.

Согласно устоявшемуся в науке представлению, этнический облик культуры в конкретный период развития того или иного народа отражается в языке, ввиду чего другим аспектом актуальности является комплексное этнолингвистическое исследование модели кубанского свадебного обряда, в котором особое место отводится интерпретации свадебной лексики. Актуальным является также проведение кросскультурных сопоставлений, поскольку выявление культурно-языкового своеобразия кубанского локального обряда невозможно без учета общеславянского фона, данных материнских этнических культур, обрядовых традиций соседних регионов, а также обрядности западной и восточной частей Кубани.

Кубанский свадебный обряд многолик. В условиях широкого разнообразия свадебных традиций Кубани автор считает актуальным изучение свадебной лексики на материале одной станицы. В этом случае исследованию подвергается относительно целостная лексическая система, формирование которой обусловлено рядом культурных, исторических и социально-экономических факторов. Кроме того, свадебная традиция и свадебная лексика конкретного поселения являются первоосновой для свадебной обрядности региона в целом, и без их изучения невозможно освещение вопроса о своеобразии кубанской традиционной свадьбы.

Объектом исследования являются свадебный обряд станицы Черноерковской как лингвокультурный феномен и обрядовая лексика.

Предметом исследования служат семантика обрядовых номинаций и символика предметно-действенного состава обряда.

Цель исследования – этнолингвистический анализ обрядовой лексики и предметно-действенного состава традиционного свадебного обряда станицы Черноерковской Краснодарского края, выявление локального своеобразия

в лингвистическом и этнографическом планах свадебного обряда исследуемой зоны.

Основные задачи реферируемого диссертационного исследования таковы:

- 1) выявить и систематизировать обрядовые лексемы, употребляемые в свадебной традиции станицы Черноерковской;
- 2) определить семантику обрядовых лексем и символику предметно-действенного состава свадебного обряда в станице Черноерковской с учетом сообщений информантов;
- 3) сопоставить семантику эквивалентных наименований, ритуальных действий и предметов в кубанском обряде и в материнских традициях, выявить асимметрию.
- 4) установить региональное своеобразие обрядовой терминологии и предметно-действенного состава свадебного обряда западной части Кубани на примере обрядовой практики станицы Черноерковской;
- 5) исследовать пути формирования свадебной обрядности на Кубани с учетом исторического развития региона и проследить основные тенденции развития этой обрядности.

Степень разработанности проблемы. Число исследований, посвященных изучению свадебной традиции Кубани, невелико. Первыми трудами в этом направлении стали этнографический очерк П. Кирилова «Черноморская свадьба», опубликованный в 1891 г. в «Кубанском сборнике» (П. Кирилов, 1891), и исследование М. Харламова «Свадебные обряды и песни гор. Ейска», напечатанное в 1906 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (М. Харламов, 2009).

В современной науке значительное место свадебному обряду принадлежит в работах кубанского этнографа Н.И. Бондаря (Н.И. Бондарь, 1999). Свадебной традиции Кубанского региона посвящена книга писателя П. Ткаченко «Кубанская свадьба» (П. Ткаченко, 2009), в которой собрано несколько этнографических описаний кубанского обряда, сделанных в разные периоды и в разных частях региона.

Музыковедческий аспект в изучении свадебного обряда Кубани представлен в диссертации С.А. Жигановой «Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования». Учитывая особенности образования культурных традиций на территориях вторичного заселения, автор выявляет специфику жанров свадебного фольклора Кубани (С.А. Жиганова, 2008).

Крайне мало изучена лексика кубанской свадьбы. Среди лингвистических исследований кубанского свадебного обряда в первую очередь следует отметить «Материалы этнолингвистического словаря: Свадебный обряд Кубани» Е.Н. Трегубовой (Е.Н. Трегубова, 2007). Словарные статьи в этом выпуске строятся на основе диалектных и фольклорных текстов, собранных в городах, станицах и хуторах западной части Кубани. Фрагменты диалектных

текстов, записанных автором диссертации от старожилов станицы Черноерковской, также использовались в качестве иллюстративного материала к статьям этого словаря.

Некоторые сведения о свадебном обряде восточной части Кубанского региона можно почерпнуть из лексикографической работы О.Г. Борисовой «Кубанский говор: Материалы к словарю» (О.Г. Борисова, 2005).

Теоретическая и методологическая основа исследования. Изучение свадебного обряда Кубани в этнолингвистическом аспекте возможно благодаря трудам нескольких поколений этнографов, фольклористов, историков и этнолингвистов.

В основе славянской этнолингвистики лежат идеи А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, Б. Гринченко, В. Гумбольдта, Д.К. Зеленина, А.А. Потебни и др., а постановка задач, выделение предмета и объекта, разработка методов исследования связаны с именем выдающегося слависта академика Н.И. Толстого. Новые аспекты изучения традиционной народной культуры получили развитие в работах Н.А. Архипенко, Е. Бартминского, Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, А.К. Матвеева, О.В. Мищенко, Б.Н. Проценко, О.Н. Трубачева, А.Т. Хроленко и многих других.

Для разработки проблематики диссертационного исследования большое значение имели труды, посвященные разным аспектам изучения славянских свадебных традиций. Этнографическому изучению свадебного обряда у славянских народов посвящены работы А.К. Байбурина, Д.М. Балашова, А. Бобульского, П.С. Ефименко, Д.К. Зеленина, Е.Г. Кагарова, Н.И. Калмыковой, Т.С. Макашиной, Н. Маркевича, Ю.И. Марченко, Г.С. Масловой, М.Н. Никольского, Н.Ф. Сумцова, А.В. Терещенко, И.И. Шангиной, П.В. Шейна и др. Этнолингвистический подход к изучению свадебного обряда представлен в работах Л.М. Бондарчук, А.В. Гуры, В.В. Жайворонка, М.В. Костромичевой, Л.И. Лариной, Б.Н. Проценко, П.Ф. Романюка, Е.Н. Трегубовой, Е.С. Узеновой, Д.Б. Чугаева.

Отображение специфики элементов традиционной кубанской культуры невозможно без учета особенностей исторического развития региона и локальной культуры. Начало изучения народной культуры Кубани было положено такими историками, этнографами и общественными деятелями, как Л.Я. Апостолов, А.Д. Бигдай, М.А. Дикарев, Г.М. Концевич, П.П. Короленко, И.Д. Попко, Л.К. Розенберг, Е.Д. Фелицин, Ф.А. Щербина и другими. Большое значение в исследовании традиционной культуры славянского населения Кубани имеют работы современных кубанских исследователей Н.И. Бондаря, В.Г. Захарченко, О.В. Матвеева, В.Н. Ратушняка.

Методы исследования. Основным методом исследования лингвистических и этнографических фактов свадебного обряда станицы Черноерковской является этнолингвистический анализ. В работе также применяется кросскультурный анализ. Выявление семантики обрядовых терминов проводится с помощью контекстуального описания, этимологического, сопостави-

тельного и компонентного анализа. Для сбора эмпирического материала применялся метод полевой этнографии – опрос. Названные методы сочетаются с описательным методом, используемым для структурной интерпретации обрядовой лексики и элементов обряда.

Эмпирической базой исследования послужили полевые записи, сделанные автором в станице Черноерковской Краснодарского края. Всего выявлено и проанализировано около 380 лексических единиц.

Для кросскультурного сопоставления привлекались только те лингвистические материалы материнских и родственных традиций, которые имеют соответствия в обряде станицы или могут прояснить семантику того или иного элемента кубанской свадьбы. В числе источников этнографического и лингвистического материала, касающегося украинской и русской свадебных традиций, использовались: а) словари и энциклопедии Б.Д. Гринченко «Словарь украинского языка» (Б. Гринченко, 1907-1909), В.И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка» (В.И. Даль, 2006), М.В. Костромичевой «Словарь свадебной лексики Орловщины» (М.В. Костромичева, 1998), Е.Н. Трегубовой «Материалы этнолингвистического словаря: Свадебный обряд Кубани» (Е.Н. Трегубова, 2007), «Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах» (Славянские древности, 1995), «Етимологічний словник української мови» (ЕСУМ, 1982-2006), В.В. Жайворонка «Знаки української етнокультури: Словник-довідник» (В.В. Жайворонка, 2006) и др; б) диссертационные исследования М.В. Костромичевой (М.В. Костромичева, 1997), Л.И. Лариной (Л.И. Ларина, 1990), П.Ф. Романюка (П.Ф., Романюк, 1984), Н.Ю. Таратыновой (Н.Ю. Таратынова, 2008), Д.Б. Чугаева (Д.Б. Чугаев, 2008); в) монографии Д.К. Зеленина (Д.К. Зеленин, 1991), Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова (Вяч. Вс. Иванов. 1974), Г.С. Масловой (Г.С. Маслова, 1984), Н. Маркевича (Н. Маркевич, 1860), Н.Ф. Сумцова (Н.Ф. Сумцов, 1881), А.В. Терещенко (А.В. Терещенко, 1848); г) научные статьи А.В. Гуры (А.В. Гура, 2001, 2009), Е.Г. Кагарова (Е.Г. Кагаров, 1929), В.Б. Колосовой (В.Б. Колосова, 2007), В. Николовой (В. Николова, 2000), Б.Н. Проценко (Б.Н. Проценко, 2004) и других.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение свадебной обрядовой лексики на материале одной кубанской станицы способствует реализации принципа системности при описании модели локального обряда и обрядовой лексики.
2. Свадебная обрядовая лексика и свадебная традиция станицы Черноерковской являются типичными образцами свадебной обрядности западной части Кубани, формировавшейся на основе украинской традиции.
3. Этнолингвистический и кросскультурный анализ свадебной лексики и свадебного обряда станицы Черноерковской позволяют раскрыть семантику элементов локального обряда, выявить общеславянскую

основу, оценить значение материнских традиций и отобразить специфические черты локального свадебного обряда на лингвистическом и этнографическом уровнях.

4. Появление новых элементов в обрядовой лексике станицы Черноерковской связано со следующими факторами: с трансформацией исходного обряда, с расширением или сужением значений языковых единиц исходного обряда, с контаминацией символов материнских традиций.

Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного этнолингвистического изучения кубанского свадебного обряда и обрядовой лексики. Этнолингвистический подход впервые применен к исследованию свадебного обряда на лингвистическом и этнографическом материале только одного населенного пункта (станция Черноерковской Краснодарского края).

Новым является подход, связанный с кросскультурным анализом свадебной обрядности территории вторичного заселения. Лексические и этнографические факты обряда станицы Черноерковской рассматриваются на широком культурно-языковом фоне материнских и родственных традиций. Кроме того, в научный оборот вводятся новые лингвистические и этнографические данные, которые могут использоваться в дальнейших исследованиях.

Теоретическая значимость. Диссертация вносит вклад в разработку теории этно- и культурогенеза, в решение фундаментальных вопросов этнолингвистики и лингвокультурологии.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что результаты данной работы могут быть использованы для обобщенного изучения традиционного свадебного обряда Кубани и его локального своеобразия. Лексический и этнографический материал, представленный в диссертации, может использоваться в лексикографической практике, для выявления закономерностей формирования вторичных культур, для разного рода диалектологических исследований, в качестве эмпирического материала при решении вопросов о формировании и типологии кубанских говоров. Материалы исследования могут быть использованы в учебной работе на спецкурсах и спецсеминарах в вузе и на уроках кубановедения в школе. Кроме того, исследование может иметь большое значение для возрождения утраченных обрядовых традиций на Кубани и в музейной практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были представлены на Всероссийской научно-практической конференции «Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса» (Славянск-на-Кубани, 2008), на Международных научно-практических конференциях, проводившихся в рамках V и VII международного фестиваля славянской культуры (Славянск-на-Кубани, 2008, 2010), на Международной конференции-семинаре «Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтничном регионе Северного Кавказа» (Ставрополь, 2010 г.). По теме диссертации опубликовано

десять статей, три из которых напечатаны в реферируемых научных изданиях ВАК «Вестник Московского государственного областного университета» (серия «Русская филология»), «Русская речь», «Филологос» (Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина).

Структура. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографии и Приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность темы, теоретическая и методологическая основа исследования и выбор методов исследования, формулируются цель и задачи работы, ее объект и предмет, описывается эмпирическая база, аргументируются новизна исследования, его теоретическая и практическая ценность, представлены основные положения, выносимые на защиту.

В рамках первой главы **«Теоретические основы этнолингвистического изучения традиционной культуры Кубани»** освещаются дисциплины, исследующие культурно-языковую проблематику, раскрываются основы лингвокультурологического и этнолингвистического анализов локальных культур, описываются перспективы этнолингвистики в изучении традиционной культуры Кубани, демонстрируется культурно-языковая специфика Кубани как территории вторичного заселения, выделяются основные лингвокультурные особенности свадебного обряда станицы Черноерковской.

Возрастающий интерес современного общества к народной культуре послужил толчком к появлению в отечественной науке ряда областей, изучающих соотношение языка и культуры. Видное место среди этих направлений принадлежит этнолингвистике, комплексной дисциплине, изучающей с помощью лингвистических методов “план содержания” культуры». В широком смысле этнолингвистика включает диалектологию, лингвофольклористику и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией, а также культурной и этнической историей народа. В суженном понимании этнолингвистика является той отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии (Н.И. Толстой, 1995).

Этнолингвистический подход активно применяется в современном языкознании для исследования региональных лингвокультур. В последнее время культурно-языковая проблематика стала привлекать кубанских исследователей. В рамках этнолингвистического направления в Славянском-на-Кубани государственном институте были организованы две научно-исследовательские лаборатории, занимающиеся лексикографическим описанием кубанских говоров и языка фольклора: лаборатория этнолингвистических и этнопедагогических исследований, а также лаборатория региональной и компьютерной лексикографии.

Кубанскую культуру относят к числу традиций вторичного (позднего) образования. Земли Кубани осваивались запорожскими и русскими (донскими) казаками и переселенцами из Украины и южнорусских земель в конце XVIII, первой половине XIX веков. Таким образом, кубанская культура развивалась на базе малорусской и русской традиций. В ходе своего развития кубанская традиция приобрела ряд специфических черт, которые охватывают все ее уровни: материальную культуру, духовную культуру, соционормативную культуру и язык. К числу таких особенностей относятся территориальная вариативность, смешение и унификация взаимодействовавших на протяжении длительного времени культурных элементов, возникновение новаций.

Специфика формирования культуры Кубанского региона стала предпосылкой для проведения кросскультурных сопоставлений кубанских говоров и культуры с родственными традициями. Большой интерес для этнолингвистических и кросскультурных исследований представляет свадебный обряд Кубани и обрядовая лексика. Свадебная обрядность региона оказалась одним из наиболее устойчивых элементов традиционной культуры переселенцев и до сих пор хранит в себе множество архаических черт. Тем не менее в кубанской свадьбе и свадебной лексике можно отметить немало особенностей, связанных со спецификой исторического развития региона и его культуры, которые проявляются на фоне исконных обрядов. По этой причине весьма продуктивным представляется кросскультурный анализ, предполагающий выявление культурных и языковых предпочтений субэтнуса Кубани.

Практическая часть работы включает комплексный анализ этнолингвистического материала, касающегося свадебного обряда и свадебной лексики станицы Черноерковской, одного из поселений западной части Кубанского региона.

Во второй главе **«Номинации свадебных обрядовых действий и свадебных чинов в станице Черноерковской»** анализируются наименования процессуальной стороны обряда и участников свадьбы. Обрядовая лексика станицы Черноерковской рассматривается на широком культурно-языковом фоне материнских и родственных традиций (украинской, общерусской, южнорусской, донской).

Первый параграф главы посвящен анализу названий свадебных ритуальных актов станицы Черноерковской. Здесь подвергаются исследованию номинации предсвадебных обрядовых действий, номинации обрядовых действий первого свадебного дня и номинации обрядовых действий послесвадебного периода.

Зачином свадебного обряда на Кубани традиционно считалось сватовство. Для исхода сватовства большую роль играло мнение самой невесты. В момент раздумья девушка по обычаю должна была ковырять пальцем печь. В станице Черноерковской это обрядовое действие репрезентируется словосочетаниями *колына'ть плы'тку, шкрэбты' гру'бу, довба'ть карны'зы, ходы'ть до пэчи', колуна'ть сте'нку, стоя'ть у плы'ткы*. Нами было установлено, что

изначально таким образом девушки надеялись получить поддержку от домашних духов, ведь в народном представлении славян очаг – это сакральный центр дома, в нем обитали духи и предки, а место под каменной плитой, где горел огонь, было убежищем домашнего (Славянские древности, т. 3, 2005)

Надо отметить, что ритуалы с печью во время сватовства известны многим славянским народам. Например, на Руси сваха подступала к печи и грела руки, у южных славян сват ворошил угли в очаге, в Курской губернии сват держался за печной столб. В Сербии, Греческой Македонии и Хорватии невеста по приезду в дом жениха «одаривала» очаг яблоком с воткнутой в него монетой (С.А. Сиднева, 2008).

Кубанский обычай ковырять печь на сватовстве является исконным элементом украинского свадебного обряда, который совершался украинской невестой в знак согласия на брак. Для общерусской традиции это обрядовое действие не характерно (Е.С. Узенева, 1996; Д.К. Зеленин, 1991). В обрядовой лексике украинской свадьбы отмечены соответствия для кубанских названий этого ритуального акта: укр. *колуна'ти сті'нку (сті'ну)* соотносится с куб. *колуна'ть сте'нку*, укр. *колуна'ти пли'тку* соотносится с куб. *колуна'ть плы'тку*. Для остальных кубанских названий в украинском обряде соответствий не установлено. В украинских говорах обычай колупания печи вербализуется также словосочетаниями *колуна'ті піч, гри'зты піч, довба'ти гли'ну, довба'ти ко'мин, колуна'ти ко'мин, колуна'ти пі'чку, колуна'ти при'печек, ковира'ти ко'мін, обдира'ты ко'мин, довба'ти піч*.

Утро свадебного дня в станице Черноерковской начиналось с обряжения невесты. Отмеченные в говоре станицы наименования, репрезентирующие ритуал убирания невесты к венцу, *удива'ть, одива'ть, вдива'ть* соотносятся с укр. *одіва'ння*. Термины *вбыра'ть, убыра'ть (молоду')* одного корня с укр. *прибира'ння, прибира'ннячко*, с рус. – *прибра'ть, прибира'ть, убирание, убирать*. Лексема *обря'д* отмечена во всех сравниваемых традициях.

В говоре станицы выявлены репрезентанты ритуала подготовки невесты к венцу, не зафиксированные в исходных традициях: *удива'ть (одива'ть) цвиты', наряжа'ть в цвиты', вдива'ть (вбыра'ть, удива'ть) у цвиты'*. Данные фразеологизмы возникли за счет метонимического переосмысления. Головной убор, называемый *цвиты'*, считался главным элементом наряда кубанской невесты. Он был символом девичества и целомудрия. В станице Черноерковской, а также в ряде близлежащих станиц и хуторов достойная невеста, сохранившая целомудрие, за весь свадебный период надевала цветы (венки) трижды. В исходных традициях – украинской и в южнорусской – венки снимали с головы невесты сразу после венчания.

Как было установлено в ходе исследования, заключительными этапами кубанской свадьбы являются обряды забивания кола и расчесывания матери невесты. Ритуальный акт, репрезентируемый лексическими единицами *забыва'ть кол, забыва'ть ко'лышок*, свидетельствовал о завершении свадебного торжества. Действие совершали при условии, если в доме была последняя

свадьба. Комментируя символическое содержание кубанского обычая забивать кол в конце свадьбы, Н.И. Бондарь предположил, что «вероятнее всего мы имеем дело с вертикальным структурированием пространства, с мифологемой “жизнь – смерть – жизнь” и с культом чадородия» (Н.И. Бондарь, 1999). Соответствующий ритуальный акт украинской свадебной традиции именовался *зарубини*. Обычай забивания кола в знак окончания женитьбы последнего сына известен донским казакам и номинировался словосочетанием *забива'ть чоп*.

Наша практика показала, что одним из завершающих актов свадьбы в станице Черноерковской было ритуальное расчесывание матери невесты (*чеса'ть ма'тир, почеса'ть ма'тир*). Про суть этого обычая в станице давно забывали. Полагаем, данное ритуальное действие имеет эротическую мотивировку: матери приносили в дар гребень, отцу – бочонок, закрытый пробкой, то есть предметы с соответствующей символикой. Важно отметить, что названные предметы были изготовлены из теста. Этим, очевидно, выражалась идея плодородия.

Автором зафиксирован единичный пример, когда во время обряда чесания на голову матери сыплют мелкие деньги, представляя, будто падают вши – *Матир прыходять чисать на куры. Гроши кыдають, мелочь. Вроди ж воши лытять* (А.Г. Березина, 1920 г.р.). В народном представлении вши и металлические деньги воплощают мотив богатства и изобилия. Надо отметить, что истоки обрядового расчесывания матери не установлены, также не отмечены сходные обрядовые действия в других кубанских станицах.

Во втором параграфе анализируются названия свадебных участников. Здесь рассматриваются номинации жениха и невесты (*па'рень, па'рубок, ди'вка, ди'вчи'на, жэных, нивеста, молоды'й, молода', молоди' оба'бэный, князь, княги'ня молоды'ця, чолови'к* и др.), номинации свадебных чинов, составлявших ближайшее окружение жениха и невесты (*веси'льный ба'тько, веси'льна ма'тир, сват, староста, свашка, бояры, дружкы, свитылка* и др.) и номинации второстепенных свадебных чинов (*сторожа', часови', охра'на, цыга'ны* и др.).

Наиболее распространенными наименованиями брачующихся в станице Черноерковской являются общеславянские термины *жены'х* и *неве'ста*. Названия применяются, начиная со сватовства, в течение свадьбы и в после-свадебный период. По утверждению информантов, термины *жэны'х* и *неве'ста* в станице Черноерковской стали употребляться только в современном обряде, а в более ранней традиции применялись лексемы *молоды'й, молода', молоди'* – *Цэ тэпэр сталы – муж, жэных. А туди – молодой, молода, так называлы на невесту: «Та тиду ш на молоду дывыця!» / На вэчир сходка була всих людэй, хто жэлав. Уси люды посмотреть на молоду, на жэныха. Раншэ называлось молода. Цэ ж ужэ тэпэр сталы невестою называть, а тоди – на молоду подывыця* (М.С. Стежко, 1923 г.р.).

В исходных традициях отмечены наименования, соответствующие кубанским лексемам *молоды'й, молода', молоди'*. В украинском языке, согласно словарю Б. Гринченко, слово *молоди'й* употреблялось в значении «жених и новобрачный во время свадьбы», *молода'* – «невеста и новобрачная во время свадьбы»; *молоди'* – «жених и невеста вместе, также во время свадьбы» (Б. Гринченко, т. 2, 1908). В русском, как и во многих славянских языках, соответствующие лексемы (*молоды'е, молодо'й, молода'я*) применялись, как правило, к новобрачным только после ритуального объединения их в новую брачную пару и весь первый год брака (В.И. Даль, т. 2, 2006).

Следует подчеркнуть, что кубанские наименования *молоды'й* и *молода'* в семантическом плане тождественны соответствующим украинским лексемам и употреблялись для наименования брачующихся на всех этапах свадебного обряда.

Нами установлено, что к числу основных персонажей свадьбы в станице Черноерковской относится *свиты'лка*. Участие этого чина в кубанском обряде связано с малорусскими культурными истоками. В украинской традиции *світилка* – это свадебный чин со стороны жениха; девушка, исполнявшая обряд держания свечи и меча; обычно роль свитилки доставалась сестре жениха или другой ближайшей родственнице (Б. Гринченко, т. 4, 1909; В.В. Жайворонок, 2006). Часто атрибут, который держала украинская *світилка* представлял собой достаточно сложный символ: сабля, на рукоятке которой укреплялись хлебная корка, венок из барвинка, ягоды калины, гвоздика, иногда вырезанная из дерева лошадиная голова и обязательно две или три свечи, перевитые друг с другом (Д.К. Зеленин, 1991). Д.К. Зеленин полагал, что этот обычай пришел к украинцам от римлян, где было принято на свадьбе зажигать пять факелов (Д.К. Зеленин, 1991). Хотя и не исключено, что символика обрядового акта, совершаемого *світилкой*, связана с мифологическим образом украинского фольклора, который имел аналогичное название *світилка* и представлял собой блуждающее по полям свечение, излучаемое тремя свечками (В.В. Жайворонок 2006).

В кубанской традиции исконный ритуал значительно упрощен. Роль *свиты'лки* в станице Черноерковской обычно доставалась маленькой девочке, родственнице жениха. Отличительными символами этого персонажа могли быть цветок, венок или букет из засушенных васильков – *У жэныха два боярына и сваики'в ныхай тры там, но до пари нэ вэзуть, свитылка, маленька девочка с цвитком. Раніє васы'льки сухи, вьязани, букет* (А.Г. Березина, 1920 г.р.) / *Она, свитылка, довжна дыржать цвиточки чи там виночок* (А.И. Панасенко, 1924 г.р.).

Подобным образом в диссертации проанализированы названия и других свадебных актов и свадебных чинов. В ходе исследования было установлено, что акциональный план обряда станицы Черноерковской обнаруживает наибольшее сходство с украинской свадьбой, однако во всех ритуальных действиях станичной свадьбы прослеживаются такие общеславянские мотивы

вы, как переход (в новый статус), разделение (свой род, чужой род), соединение, изобилие, плодородие, что находит отражение и в обрядовой лексике. Кроме того, локальный обряд характеризуется рядом специфических черт. В свадьбе станицы Черноерковской отмечены ритуальные акты и названия, нераспространенные в материнских и родственниках традициях. Эти результаты подтверждают нашу гипотезу об украинской основе и локальной специфике в свадебной лексике и свадебном обряде станицы Черноерковской.

В третьей главе «**Номинации материальных компонентов свадебного обряда станицы Черноерковской**» анализируются названия и символика обрядовых атрибутов (*хвата, цветы, рушник, рядно, прыданэ, сундук* и т.д.), обрядовых блюд (*хлеб, каравай, дывэнь, шишка, куры, кисиль* и т.д.), обрядовых напитков (*сладкэ, краснэ, быкы* и т.д.) и растительных образов (*гильцэ, калына, хмель, квитка* и т.д.).

К числу основных атрибутов невесты в свадебном обряде станицы Черноерковской относится обрядовое печение *ды'вэнь (ды'вынь)*. Этот культурный символ заимствован в кубанскую обрядность из украинской свадебной традиции. Тем не менее по форме и обрядовым функциям кубанский *дывэнь* и украинский *дивень* отличаются друг от друга. *Ды'вэнь* в обряде станицы Черноерковской представлял собой круглый хлеб, в который по краю вставляли три обвитые тестом веточки. Сверху веточки соединяли, образуя подобие купола, и украшали парой голубей из теста. Часто по периметру обрядовый хлеб опоясывали косичкой из теста. *Ды'вэнь* обвязывали красной лентой, украшали бумажными цветами и ставили на пару тарелок. Внутрь, под купол из украшенных веток, помещали две ложки, связанные красной лентой. В итоге получался сложный символ.

Основной мотив, с которым информанты связывают кубанский обрядовый хлеб *дывэнь*, это девичья красота и невинность – *Ды'вынь – это дыво невесты, красота. Ды'вынь – тоже честность* (Мороз А.И., 1938 г.р.). Элементы, использовавшиеся для его украшения, обладают соответствующей символикой. Косичка, красные ленты и цветы свидетельствуют о связи данной реалии с девушкой и девичьей красотой (невинностью). В *дивне* также отражена любовно-брачная символика, что выражено в украшении хлеба фигурками голубей. Использование парных элементов (две ложки, две тарелки, два голубя) и связывание ложек символизируют соединение новобрачных. Примечательно также употребление предметов, имеющих отношение к пище (ложки и тарелки). Как отмечал А.А. Потеня, «по народной символике *есть* значит *любить*» (А.А. Потеня, 2000).

Малороссийский *ди'вень* представлял собой хлеб в виде толстого кольца; его изготавливали для невесты, которая должна была посмотреть сквозь него на жениха и на все стороны света (Б. Гринченко, 1907; Н.Ф. Сумцов, 1881). Согласно этимологическому словарю украинского языка, номинация обрядового хлеба *дивень* мотивирована действием, совершающимся невестой, и является производной от украинского глагола *диви'тися*,

что значит “смотреть” (ЕСУМ, т. 2, 1985). Н.Ф. Сумцов, однако, связывал термин *дивень* с эпитетом *дивный*. Он полагал, что украинский *дивень* первоначально представлял собой то же самое, что и каравай, «служил лишь его эпитетом (*дивный каравай*)», но постепенно лексема получила самостоятельное значение и стала употребляться для наименования особого хлеба, который пекли вместе с караваем (Н.Ф. Сумцов, 1885).

В станице Черноерковской термин *ды'вэнь* связывают со словом *дыво*, употребляемым в значении “красота”, что отчасти оправдано, поскольку данный обрядовый хлеб символизировал девичью красоту. Интересное объяснение этимологии слова зафиксировано в станице Старотиторовской, где лексему *ды'вэнь* считают производной от *ды'вный*, *дывля'ця* (удивляться), *дывы'ця* (смотреть) – *Ну, вроди як дивно. Раньшэ казали так: шо чоловик на вику тры раза дивный, тры раза люды дывляюця им: када народыця смотрять, када замиж идэ и када умрет. Тры раза чоловик на вику удивлен* (Трегубова, 2007).

Обрядовая реалья *дивень* известна и в курском свадебном обряде, где также появилась под влиянием соседней украинской традиции. В курском обряде *дивень* имеет форму «импровизированного дерева» (Ларина, 1990). Надо отметить, что на значительной территории Украины также распространен обычай выпекать хлеб в виде деревца, называемого наряду с термином *ди'вэнь*, лексемами *дівува'ння*, *рі'жки*, *корова'й*, *гільце'*, *теремо'к* (І. Коверець, 2004).

Мы показали, что одним из основных ритуальных символов кубанской невесты является обрядовое деревце, *гільцэ*. Этот культурный символ также является исконным элементом украинской свадьбы и привнесен в кубанскую традицию украинскими переселенцами. От них же заимствовано и кубанское название деревца *гільцэ*, соответствующее украинской лексеме *гільце* (Коверець, 2004; Романюк, 1984).

Кубанское и украинское наименования свадебного деревца мотивированы его формой и производятся от украинского слова *гілка*, что означает «ветка», поскольку основой для деревца служили ветви плодовых деревьев. Согласно данным словаря «Славянские древности», в украинской лексеме *гільце* отражена контаминация корней *ел(ь)*- и *гіль*- (Славянские древности, т. 2, 1999).

В станице Черноерковской *гільце* традиционно устанавливали в доме молодой. В качестве исходного материала для свадебного деревца в станице использовали три – пять ветвей вербы или вишни, которые обвивали узкими полосками пресного (несдобного) теста, нарезанного с одной стороны в виде бахромы, и выпекали в печи. Более поздней стала традиция использовать вместо теста цветную бумагу. Для украшения *гільца* использовали веточки ели, орехи, бумажные цветы, калину, сделанные из теста голуби и бочоночки. Свадебное деревце обвязывали красной лентой.

В свадебной традиции станицы Черноерковской *гильцэ* символизировало целомудренную невесту. Особое значение имело украшение деревца калиной, цветами и красными лентами, считавшимися символами девственности – *Як невеста хороша, так всяки прызнакы. И на гильцэ даже чиплялы калыну. Хочь там чиплялы краснэ и цвиты* (М.С. Стежко, 1923 г.).

По традиции обрядовое деревце у всех славян подвергалось ритуальному уничтожению в конце свадьбы. В станице Черноерковской также существовал обычай в завершение свадебного торжества разламывать *гильцэ* и раздавать гостям, что знаменовало расставание с девичеством и переход в новый статус, а также нарушение целостности (девственности). Кубанский обычай разламывания *гильца* функционально и семантически близок калужскому обычаю вынимать из хлеба веточки и раздавать гостям (Славянские древности, т. 2, 1999), русскому обряду ломания *кра'соты* (А.К. Байбурин, 1993).

В главе подробное описание получили и остальные свадебные символы станицы Черноерковской. В ходе этнолингвистического и кросскультурного анализов было установлено, что бóльшая часть кубанских свадебных реалий, их символическое содержание и названия являются наследием украинской традиции. Тем не менее многие элементы исходной традиции наделялись в станице и новыми значениями. В итоге мы подтвердили гипотезу исследования и доказали заявленные положения.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Мы установили, что исторической основой для формирования свадебного обряда станицы Черноерковской послужила украинская свадебная традиция. Однако в процессе формирования обрядности станицы большая роль отводится и русской традиции, ведь говоры и культура украинских переселенцев оказались «блокированными» на Кубани и перестали развиваться в общем русле с исходной традицией, а существовали рядом с русскими говорами и культурой. Мы доказали, что свадебному обряду станицы Черноерковской также присущи общеславянские черты, что указывает на те отдаленные времена, когда носители этих традиций представляли собой одно этнографическое целое. Кроме того, за время существования кубанского свадебного обряда отдельно от материнских традиций, в нем появились новообразования. Все эти особенности проявляются на этнографическом и языковом уровнях станичной свадьбы.

Проведенный анализ свидетельствует, что исконно украинскими на кубанской свадьбе являются обрядовые акты ковырять печь на сватовстве, переводить молодых через огонь, угощать гостей медом и привязывать на одежду красные ленты в знак «честности» невесты, рядиться в цыган. Общеславянский характер носят такие ритуальные действия локального обряда, как сватовство, договор, венчание, посад, благословение, осыпание, принесение молодым завтрака после брачной ночи и т.д. Специфическим является ритуал перевязывания шишки после брачной ночи в знак невинности не-

сты. Неизвестны в родственных традициях обычаи строить вышку, расчесывать мать, выметать двор.

В ходе анализа названий обрядовых актов выявлены лексемы общеславянского характера (*сватовство'*, *сва'татъ*, *обря'д*, *венча'ние*, *жены'ть* т.д.), украинские лексические единицы (*посыла'ть старости'в*, *пыть могорыч*, *посвата'ця*, *молоди'ть*, *квитча'ть*, и т.д.), лексика сугубо кубанского свадебного обряда (*просы'ть мэ'да*, *идты за ши'шкой*, *чеса'ть ма'тир*, *мэсты' горо'д* и т.д.). Влияние русской традиции проявляется главным образом в синонимии терминов украинского и русского происхождения, например: *квитчатъ конэй* – *украшати конэй*; *кыкати* – *прыглашати*.

Мы изучили систему свадебных чинов в обряде станицы Черноерковской, которую составляют такие традиционные для славян персонажи, как сваты, бояре, подруги невесты, ряженые и т.д. В словаре кубанской свадьбы выявлены исконно украинские названия персонажей: *веси'льна ма'тэ*, *веси'льный ба'тько*, *ба'тько-ма'тир*, *сва'шка* (для номинации женских участников обряда, наделенных определенными функциями), *сва'ха* (для номинации матери зятя или снохи), *свиты'лка* и т.д. Локальный характер в обрядности станицы Черноерковской носят наименования неосновных персонажей, к этому ряду относятся лексемы *посо'л*, *сто'рож*, *часовы'й*, *охра'на*.

Среди материальных компонентов свадебного обряда станицы Черноерковской общеславянский характер носят такие предметы-символы, как венок, фата, полотенце, знамя, стол, каравай, свадебное деревце, курица. Некоторые обрядовые предметы, характерные для многих славянских традиций, реализуют в кубанском обряде и новые значения. Так, платок, который надевали на невесту после брачной ночи, в станице Черноерковской означал о несохранении девственности, тогда как в родственных обрядах это было символом перехода в статус замужней женщины.

Исконно украинским на Кубани является обыкновение печь на свадьбу *дывэнь*, *шишки*, оббивать тестом и запекать свадебное деревце, обмениваться хлебом, готовить кур и куриную лапшу на третий день свадьбы.

Анализ названий материальных компонентов свадебного обряда Черноерковской позволил выявить единицы, принадлежащие к общеславянскому лексическому фонду. Лексемы общеславянского характера употребляются для номинации 1) ритуальных предметов: *наря'д*, *обря'д*, *вино'к*, *чепчик*, *квитка*, *рушны'к*, *плато'к*, *знамя*, *пры'данэ*; 2) обрядовых блюд: *хлеб* (*хлеб*), *карава'й* (*корова'й*), *хлеб-соль* (*хлеб-силь*), *ку'рыця*, *ку'рка*; 3) фитосимволов: *калы'на*, *цвето'к*, *кви'тка*, *хмэль*.

Из украинской традиции в кубанскую свадьбу вошли некоторые реалии, нераспространенные в других славянских традициях. Для наименования этих предметов в обряде станицы используются украинские лексемы, например: *ды'вынь* (*ды'вэнь*), *гильце'*, *ши'шка* (*шишки'*), *быкы'* (*бугайи'*). Для номинации обрядового деревца в станице употребляется украинская лексема *гильце'*. Единицы *ды'вытынъ*, *грыби'нка*, *малы'й корова'й*, *здоровый корова'й*,

цветы в значении “головной убор невесты”, *кра'снэ* “ленты, которыми украшали гостей в знак девственности невесты” являются названиями собственно кубанского обряда.

Появление новообразований в обрядовой лексике станицы Черноерковской связано со следующими особенностями: 1) в языковом плане находят отражение элементы локального ритуала, отсутствующие в родственных обрядах (*просы'ть мэ'да, идты за ши'шкой*); 2) некоторые эпизоды обряда, известные также в исходных традициях, в кубанской свадьбе получают новые наименования (укр., рус. *наряжа'ть* соответствует куб. *удива'ть у цветы'*; укр. *покра'са* соответствует куб. *кра'снэ* (красная лента)); 3) исходные понятия получают в кубанском обряде более расширенное или более суженное значение (укр. *вечір*, рус. *вечер* соотносится с куб. *вэ'чир*, *сухы'й вэ'чир*, *мо'крый вэ'чир*); 4) в некоторых кубанских лексемах отражена контаминация символов исходных традиций (кубанская номинация обрядового меда *варэ'на* отражает контаминацию таких обрядовых символов украинской свадьбы, как мед и *варену'ха, варе'на гори'лка*, т.е. напиток, готовившийся на основе меда); 5) в системе кубанский обрядовых номинаций появляются лексемы, производные от слов исходных языковых структур (укр. *ди'вень*, куб. *ды'вэнь* – куб. *ды'вытынь*).

Полагаем, что лингвистический материал, представленный в диссертации, может использоваться в лексикографической практике, в качестве эмпирического материала при решении вопросов о типологии кубанских говоров, а также для идентификации вторичных говоров и культур.

В дальнейшем следует продолжить практику изучения свадебной обрядовой лексики на материале и других кубанских станиц. Результаты, полученные в ходе таких исследований, могут применяться для обобщенного изучения традиционного свадебного обряда Кубани и свадебной лексики. Научно перспективным является изучение лексики на широком культурно-языковом фоне материнских, соседних и родственных традиций. Такой подход позволит отобразить локальную специфику кубанского обряда.

Основные положения диссертационного исследования отражены в десяти **публикациях**.

1. Кучеренко (Финько), О.С. Вербальные и параязыковые особенности обряда кубанской свадьбы / О.С. Кучеренко // *INCIPIO = НАЧИНАЮ*: Сборник научных трудов молодых исследователей. Выпуск II. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 66 – 77.
2. Финько, О.С. Лексика предсвадебных обрядовых действий в станице Черноерковской на фоне украинской традиции / О.С. Финько // *Вестник СГПИ*. – 2008. – № 2 (7). – С. 24 – 36.
3. Финько, О.С. Номинации обрядовых действий первого свадебного дня на Кубани / О.С. Финько // *Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве: Материалы V Международной научно-практической конференции*, 8 – 9 августа 2008 г., г. Сла-

- вянск-на-Кубани: в 2 ч. Ч. I.: разделы I – IV / под ред. А.П. Садило: Славянский-на-Кубани гос. пед. инст. – Славянск-на-Кубани: Изд-ий Центр СГПИ, 2008. – С. 129 – 135.
4. Финько, О.С. Номинации и символика обрядовых действий послесвадебного периода (на материале кубанского свадебного обряда) / О.С. Финько // Россия и славянский мир в контексте многополярности: материалы VII международной научной конференции, 6 – 9 августа 2010 г., Славянск-на-Кубани: в 4 ч. Ч. II. Разд. II / Отв. ред. проф. Т.С. Анисимова; Славянский-на-Кубани гос. пед. институт. – Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2010. – С. 158 – 161.
 5. Финько, О.С. Растительная символика в кубанской свадьбе / О.С. Финько // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: материалы Международной конференции-семинара (г. Ставрополь, 21-25 сентября 2010 г.) / Под ред. В.М. Грязновой. – Ставрополь: Издательство, 2010. – С. 275 – 281.
 6. **Финько, О.С. Концепт “хлеб” в традиционном свадебном обряде Кубани (на материале станицы Черноерковской) / О.С. Финько // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2011. - №3. – С. 86 – 89.**
 7. Финько, О.С. Наименования жениха и невесты в обрядовом аспекте (на материале кубанского свадебного обряда) / О.С. Финько // Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15 – 17 ноября 2010 г.). – Саратов: ИЦ «Наука», 2011. – С. 225 – 229.
 8. Финько, О.С. Наименования участников кубанской свадьбы, составляющих ближайшее окружение жениха и невесты (обрядовый аспект) / О.С. Финько // Лингвофольклористика. Вып. 18. – Курск: Изд. Курск. гос. ун-та, 2011. – С. 47 – 55.
 9. **Финько, О.С. Номинации и обрядовое употребление предметов, символизирующих соединение в кубанской свадьбе / О.С. Финько // ФИЛОЛОГОС. Вып. 9. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 98 – 103.**
 10. **Финько, О.С. Сладкэ в кубанской свадьбе / О.С. Финько // Русская речь. – 2011. - №6. – С. 98 – 102.**

Финько Ольга Сергеевна

**Лексика свадебного обряда Кубани (на материале обрядовой
практики станицы Черноерковской Краснодарского края)**

Автореферат